

Теоретические проблемы лингвистики

Theoretical Problems of Linguistics

© 2005

T.B. Романова

Интерпретация концептуальной структуры публицистического текста (на материале дневниковых заметок О. Павлова «Бывшие люди»)

Иерархически организованная система концептов личности, или концептосфера, находит языковую объективизацию в создаваемых этой личностью текстах, в их концептуальной структуре. Концептуальная структура текста в ее тезаурусном представлении включает элементы композиции, находящиеся в сильной позиции, выделяющиеся на фоне ментального пространства текста (рератические позиции, позиция повтора и т.д.). Нередко сильные позиции являются одновременно автосемантическими, и так же, как автосемантические отрезки, они тяготеют к началу и концу текста. Начало текста и заголовок – точка отсчета понятийного цикла, ключ к концептуальной структуре произведения.

Вербальным эквивалентом концепта как «кванта знания» является совокупность лексических средств. Анализ концептов текста предполагает выявление лексико-семантических полей (ЛСП) и тематических групп, их образующих, а также доминирующих сем. В результате анализа ЛСП и тематических групп текста можно частично выявить тезаурус автора и персонажей, показать их соотношение, дифференцировать ключевые слова (семантические доминанты) и концепты.

Под концептуальным анализом можно понимать исследование выраженного в словах мыслительного (когнитивного) содержания, ценностных (модальных) коннотаций и мотивационно-прагматических установок. Такое понимание «концептуального» противопоставляет в общем плане внеязыковые аспекты языковых значений собственно языковым. Ср. различие семантического и концептуального анализа в работе Е.С. Кубряковой: семантический анализ эксплицирует семантическую структуру слова, уточняет денотативное, сигнификативное и коннотативное значения; концептуальный анализ предполагает поиск общих концептов (т.е. фрагментов знания о мире), подведенных под

РОМАНОВА Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, докторант кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

один знак [6, 85].

По мнению Ю.С. Степанова, концепт имеет яркое строение [11, 8]. На «нижних этажах» располагается то содержание концепта, которое «читается словами» (т.е. обозначено языковыми средствами; концепт, «схваченный знаком» [6]), на «верхних» – то, что нельзя прочитать словами, что имеет отношение к ментальным пространствам. «Первый этаж» концепта – интертекст (как считает Ю.С. Степанов, то, что читается в прямом смысле знака).

Начальный импульс для интерпретации внутреннего лексикона и внутренней грамматики текста задается заголовком, выполняющим функцию экспонента концепта. В выбранном нами для анализа тексте способом выражения концепта становится заголовок-понятие «*Бывшие люди*» [8]. Заголовок «*Бывшие люди*», являя собой совокупность нежестко структурированных признаков, одновременно с понятиями, представлениями и знаниями представляет оценку и эмоции. Заголовок – это глобальная семантическая структура, которую Т. ван Дейк назвал «макроструктурой». В терминах логического анализа алгоритм выведения смысла заголовка сводится к следующему: 1) из свода макрорегуляций исключаются пропозиции, нерелевантные для интерпретации других пропозиций (стирание); 2) серии отдельных пропозиций превращаются в более общую (генерализация); 3) общие пропозиции выстраиваются из большого числа частных пропозиций в тексте; 4) в интерпретацию вовлекаются задействованные в тексте и существующие вне текста знания о мире [10].

Проникновение в смысл заголовка происходит постепенно, ступенчато, при этом каждый раз добавляется «приращение» к уже имеющемуся. Интерпретатор не может точно ответить на вопрос, как возникает концепт-заголовок, он может лишь указать на процесс образования смыслов в самом общем виде [6].

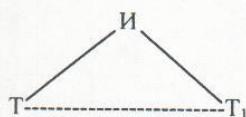
Заголовок «*Бывшие люди*» отражает эмоциональное состояние, ощущение (сожаление), отношение (сочувствие), отрицательные коннотации,

возникающие ассоциации (с произведениями Горького, Достоевского, Гиляровского). Как читается прямой смысл знака? «*Бывший. Утративший прежнее положение, назначение, звание и т.п.*» [3, 106].

Кроме того, возникает аллюзия на «чужой» текст. «*Бывшие люди*. Публ. *О людях (дворянах, аристократах, капиталистах и богатых чиновниках), лишенных своего привилегированного положения*» [2, 356].

Первоначально выражение характеризовало бояр, люмпен-пролетариат. Оно стало крылатым благодаря рассказу М. Горького «*Бывшие люди*» (1897), где описывается жизнь обитателей ночлежки. Следовательно, перед нами интертекст. В лингвистике и литературоведении принято говорить об отношениях интертекстуальности лишь в тех случаях, когда отношение к другому тексту – к «*пратексту*», «*предтексту*», «*претексту*» [13] – может быть рассмотрено как отвечающий сознательной установке автора семантический факт в смысловой структуре содержащего аллюзию текста.

В нашем анализе при трактовке интертекстуальности мы придерживались психолингвистической точки зрения [7]. С этой точки зрения, интертекст (межтекст) – родовое понятие, определяющее, что смысл текста формируется полностью или частично посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе. М. Риффаттерр предложил называть иной текст «*интерпретантой*». Он предлагает графически изобразить интертекстуальные отношения в виде преображенного семиотического треугольника Г. Фреге:

Здесь «*T*» – текст, «*T₁*» – интертекст, а «*И*» – интерпретанта. Интертекстуальность не функционирует и, следовательно, текст не получает текстуальности, если чтение от «*T*» к «*T₁*» не проходит через «*И*», если интерпретация текста через интертекст не является функцией интерпретанты. Интерпретанта важна по нескольким причинам. Во-первых, она позволяет преодолеть представление о связи текста и интертекста как связи между источником и последующим текстом, она снимает представление о процессах «*заемствования*», «*влияния*». Она позволяет убедительно представить работу по производству смыслов как процесс сдвигов и трансформаций внутри текста. Интерпретанта, третий текст интертекстуального треугольника, ответственна за появление того, что названо «*смысловыми гибридами*» [1, 172]. Интертекст конституирует смысл как работу по отысканию этого смысла, и в

этом – фундаментальное значение интертекста в смыслопорождающем механизме [7].

При анализе интертекста важны прежде всего два вопроса: какие сигналы указывают на авторскую аллюзию? Каким образом используются в позднейшем тексте воспроизведимые им черты предтекста (текста-интерпретанты)?

Покажем в сжатом виде, как структурируется смысл концепта-заголовка в рассказе М. Горького [4].

Бывшие люди – верхний слой в иерархии обитателей ночлежного дома. Родовая сема *босяк (утративший прежнее положение, назначение, звание)* является гиперсемой для тематической группы: *ром-мистр; хозяин ночлежки; учитель; лесничий; тюремный смотритель* (видовые семы для указания на *положение, звание*). Родовой признак *утративший прежнее положение* реализован через валентность языковых единиц: «*в прошлом имел в городе бюро для рекомендации прислузы, имел типографию; опустившись до ночлежки, уже более не мог подняться; бывший лесничий, а ныне торговец спичками, чернилами, ваксой*». Как средство презентации данного родового признака используются также пропозиционные структуры; структурные схемы, построенные на антитезе; оценочные (*«умеючи жил»*) и грамматические семы (предикаты в прош. вр.: «*В лице его погиб, может, крупный поэт*»); повтор определения *бывший*. Оценочные семы: *образованность, интеллект* (*«философ, человек с образованием, с развитой превратностями судьбы привычкой мыслить; думал, читал книги»*); *безнадежность, бесперспективность* (*«опустившись до ночлежки, уже более не мог подняться»*); *человечность, доброта, сочувствие, жалость* (*«не все свои деньги пропивал, по крайней мере половину их тратил на детей Въездной улицы»*); *талант* (*«воображение этого человека было неиссякаемо и могуче»*) и т.д.

В формировании модально-оценочного концепта *«бывшие люди»* участвуют следующие противопоставления: 1) *бывшие люди – господа жизни*. Дифференциальные антонимичные семы: *богатый – бедный, сытый – голодный* (*«народ, к роскоши непривычный; привык каждый день жрать... отучишься от этой дурной привычки; не барин, существующий сыто и нарядно; в сытости и костюме я отстал от них»*). Модально-оценочные семы: *субъект оценки – господа жизни, объект оценки – бывшие люди*: *«отвержен, презирающий, трепет хладный»* (= *страх*); *субъект и объект оценки меняются местами: наплевать, презрение;* 2) *бывшие люди – рядовые бояки, бывшие мужики (и люди из города)*.

«Кроме них, в ночлежке постоянно обитало человек пять-шесть рядовых бояков. Они не могли похвастаться таким прошлым, как "бывшие люди", и хотя не менее их испытали превратностей судь-

бы, но являлись более цельными людьми, не так страшно изломанными. Почти все они – "бывшие мужики". Быть может, порядочный человек культурного класса и выше такого же человека из мужиков, но всегда порядочный человек из города неизмеримо гаже и грязнее порядочного человека из деревни...

– Эх ты!.. – презрительно оглядел его Кувалда. – Что ты понимаешь? Что ты знаешь? Умеешь ли ты думать? А я думал... И читал книги, в которых ты не понял бы ни слова.

– Еще бы! Где мне щи лаптем хлебать... Но хотя ты читал и думал, а я не делал ни того, ни другого, однако недалеко же мы друг от друга ушли <...>» (выделено нами. – Т.Р.) [4, 188].

Интегральная сема: испытали превратности судьбы. Дифференцирующие семы: весомость прежнего положения («не могли похвастаться таким прошлым»); цельность души, степень изломанности («являлись более цельными людьми, не так страшно изломанными»), степень интеллектуальности (см. выше). Модально-оценочные семы: 1) субъект оценки – бывшие люди, объект – рядовые бояки, отношение – презрение; 2) субъект и объект оценки меняются. Отношение: а) насмешка (*Еще бы! Где мне щи лаптем хлебать*). Тактика: возражение. «Лаптем щи хлебать. Прост. Жить, прозябать в нищете, невежестве; быть отсталым, некультурным» [12, 501–502]. Компонент где мне отрицает смысл фразеологической единицы (ФЕ) (= не хлебаю); б) ирония («недалеко же мы друг от друга ушли»). Тактика: поставить на место; 3) субъект оценки – автор («быть может, порядочный человек культурного класса и выше такого же человека из мужиков»). Модальность предпочтениянейтрализована модальной семантикой предположения, невысокой степени уверенности).

Внутри компонента рядовые бояки тоже есть подразделение: человек из города – человек из деревни. Соотношение между этими компонентами обозначено авторской модальностью сравнения (предпочтение в оценке): («порядочный человек из города неизмеримо гаже и грязнее порядочного человека из деревни»).

В указанных противопоставлениях и иерархии сем концептуально значимым оказывается смысл лексемы человек. См. противопоставление: *бывшие люди*, но *рядовой бояк*, *бывшие мужики*, *человеком будешь*.

Наиболее значимыми в концептуальной структуре текста являются авторские оценки, авторское отношение к объекту оценки: «*выпившие или страдавшие с похмелья, разнообразно растрепанные, но одинаково жалкие и грязные*; у этих людей была одна смешная черта: они любили показать себя друг другу хуже, чем были на самом деле» [4, 214]. Авторская точка зрения (отношение, оценка изображаемого) часто совпадает с оценкой пер-

сонажами своей жизни: «Мне надоело это... *Подлая жизнь...*» [4, 215].

Наиболее значимые авторские оценки занимают сильные позиции текста: 1) позицию повтора («Это общество бывших людей имело одно великое достоинство: в нем никто не насиливал себя, стараясь казаться лучшие, чем он есть, и не возбуждал других к такому насилию над собой»). – См. выше тот же смысл, но с другим оценочным знаком: смешная черта – великое достоинство. На наш взгляд, основание смены оценки – отсутствие насилия, культ свободного человека («...не возбуждал других к такому насилию над собой»); 2) финальную позицию конца части («никому не нужных людей»), абсолютного конца текста («В серых, строгих тучах, сплошь покрывающих небо, было что-то напряженное и неумолимое, точно они, собираясь разразиться ливнем, твердо решили смыть всю грязь с этой несчастной, измученной, печальной земли» [4, 240]). Итак, понятие «бывшие люди» в тексте-интерпретанте корефертно понятию «босяки». Контенсиональ знака: босяки. И контенсиональ: 1) гиперсема: утративший (сингматическая сочетаемость звание, положение, богатство); 2) гипосемы: бедный, голодный, испытали превратности судьбы, весомость прежнего положения. Импликативы: 1) жесткий: обида, жалкие, грязные; 2) высоковероятностный: пьянство, воровство, изломанность; любили показать себя друг другу хуже, чем были на самом деле; 3) слабый: достоинство, цельность души, порядочный человек, умный; 4) отрицательный: богатство, сытость. Экстенсиональ: люмпен-пролетариат, обитатели ночлежки, бывшие собственники (типографии, бюро для рекомендации прислуги) и служащие (учитель, лесничий, тюремный смотритель), таланты и интеллектуалы (философ, поэт), люди из города, люди из деревни. Прагматическое значение: 1) оценочные семы (человек: образованность, интеллект; грязные, грязь; подлая (жизнь); измученный, печальный); 2) семы, выражающие отношение (доброта, жалость, сочувствие, ирония, отвержен, насмешка, никому не нужные люди); 3) эмоциональные семы (наплевать: безнадежность, бесперспективность; презрение; трепет (страх)).

Для выявления концептуальной структуры текста О. Павлова необходимо соотнести его с цитируемым текстом М. Горького.

Закономерно возникает вопрос: кто является автором интертекста? С нашей точки зрения, у интертекста, как минимум, три автора. Первый – автор читаемого текста (интертекста); второй – автор текста-интерпретанты; третий – читатель, интерпретатор интертекста. При этом укажем, что основой понимания текста реципиентом является совпадение концептуальных систем автора и воспри-

нимашего. Очевидно, что чем больше степень совпадения концептуальных систем, тем адекватнее воспринимается авторское содержание текста. При отсутствии какой-либо общности между концептуальными системами интерпретация текста реципиентом тоже производится, однако коммуникация не осуществляется. Полного совпадения концептуальных систем в силу их уникальности принципиально не может быть, а следовательно, невозможно и понимание текста, тождественное авторскому содержанию [9, 5].

Рассмотрим, как структурируется концепт «*бывшие люди*» у О. Павлова и как используется для этого текст-интерпретанта. Контенсионал содержания: бомжи. Интенсионал: 1) гиперсема: бездомность («нет жилья, прописки с паспортом»); 2) гипосемы: человек без места; вор; нищий; попрошайка; голодный, страх («живут воровством, попрошайничая; на помойках поедая отбросы, падаль; гонимый голодом, холodom, угрозой побоев; обнищав») [8, 140]. Импликации ионал: 1) жесткий: «выживаешь, как можешь, спившись»; страдание; мучение; 2) высоковероятностный: лишенность («лишились родины: будто лишились самой жизни, самих своих судеб, были люди работающие»); нет опоры; бесправие («(не) хозяин себе и своей судьбы»); 3) слабый – закрепощение; 4) отрицательный: наличие жилья, личной судьбы (дом, семья, родина). Экстенсионал: «Россия – страна бездомная, народ наш в сути своей бездомный» [8, 140]: бомжи; тюрьмы, уголовные и лечебно-трудовые; психушки; северные края; дальневосточные порты; шабашка; приски; путин; шахты; бродяги в бараках; переселенцы; эмигранты; раскулаченные; войны; репрессии, целина; беспроспективные малые деревни; одинокие, забытые старики (выделено нами. – Т.Р.).

У О. Павлова экстенсионал содержит, выраженного ФЕ, шире, чем у М. Горького, это уже обобщение на уровне истории страны. Смысл такого экстенсионального расширения – констатация степени падения человека и степени неуважения к человеку со стороны государства (авторская позиция: это делает с людьми государство). У Горького данное обвинение столь явно не звучит. Что касается интенсионала, то гиперсема в концептуальном ядре текста О. Павлова конкретнее, гипосемы «разработаны» более детально; импликационал более оценочен (укор в адрес «здоровой и сильной» части народа), более подчеркнуты бесправие и безнадежность существования «*бывших людей*». Поэтому и оформляется противопоставление *бывшие люди – милиционерское государство* (оценочная сема). У Горького та же тактика, но противопоставление не столь антагонистично. См. у О. Павлова:

«Стоит штампик загса, что человек в девяносто третьем женился, значит, состоятельный был, мог

хоть свадьбу сыграть. Но вот зима девяносто шестого: этот человек уже бомж, то есть труп. И что такое бомжи – это милиционерское клеймо, есть еще зеки, то есть заключенные, а были и «каэры», «чесеоры» – контрреволюционеры, члены семей репрессированных... Только бы людьми не называть или согражданами, тогда ведь с него, с государства нашего милиционерского, да и общества другой будет спрос. *Горько*, что это словцо прижилось, что и в народе иначе не говорят. Но ведь в здоровой, сильной половине народа и стараются, как могут, *совесть усыпить, даже и ненависть разжечь*» (выделено нами. – Т.Р.) [8, 141].

Лица, вызвавшие эмоции, – бомжи; объект оценки – отношение к ним *милиционерского* (оценочная сема, окказиональное образование) государства, общества: бомж, то есть труп. В приведенном фрагменте есть благоприятные условия для формирования эмотивной оценки: каузатор эмоционального состояния является, в свою очередь, и объектом – адресатом эмоционального отношения (общество, сограждане). Авторская интенция передается через речевой акт укора («Только бы людьми не называть или согражданами»). Ограничительная частица только может выражать семантику опасения, ограничения. Здесь она выполняет функцию выражения эмоциональной семантики, участвует в языковом оформлении речевого акта (РА) укора. Далее реализуется стратегия «пробуждения совести»: «тогда ведь с него, с государства нашего милиционерского, да и с общества другой будет спрос; словцо прижилось... в народе иначе не говорят». Тактикой, реализующей стратегию «пробуждения совести», являются приемы включения адресата (читателя) в объем понятия «*милиционерское государство*» через родовидовые отношения (государство – общество – сограждане) и «вскрытие» истинной цели этого государства: «Но ведь в здоровой, сильной половине народа и стараются, как могут, *совесть усыпить, даже и ненависть разжечь*». Доминанта авторского эмоционального отношения – «Горько».

Далее реализуется тактика дискуссионного опровержения, отрицания официальной точки зрения.

«Слыхали, что у нищих кучи денег, что они из обносок переодеваются в шубы и жируют на вашу милостьню? Слыхали, что бомжи – это тунеядцы, пьянячуги, которые продали свои квартиры? Так им и надо, это наказание за порок! Слыхали, они вшами нам угрожают, сифилисом, туберкулезом? Что они наши вокзалы изгадили?.. Однако попробуй переодеться в обноски, постой хоть час на морозе, может, разбогатеешь, но тогда и поймешь, что это за труд – унижаться и обмораживаться. Да и кто побирается на твоих глазах, разве розовощеские, сътые на рожу? Ведь старухи да инвалиды, ничего не понимающие дети. И таких безвинных теперь больше – беженцев, душевнобольных, заброшенных, детей, вышедших из тюрем баб да мужиков, но опустившихся именно без работы, ненужных людей. У них тот туберкулез, ко-

торый никто не лечит, и потому, что не лечат. Они спят на вокзалах, потому что больше им негде спать. Они напиваются допьяна, чтобы довести себя до беспечности, — попробуйте ходить раздетыми по морозу и так, как они, существовать. **Как же они порочны, если голодают и замерзают, если умирают? Страдание, мучение – это ли порок?**» (выделено нами. – Т.Р.) [8, 142].

Другое противопоставление, имеющее в тексте концептуальное значение, это *советское время* — *нынешнее время*:

советское время худо-бедно содержались государством	нынешнее время давным-давно стало все не так; живот стало втройне трудней и сложней; тре- буется уже надрыв сил, чтобы просто оставаться человеком, облик сохра- нить человеческий отменили
статья о бродяжничес- тве все они были люди рабо- тящие	тунеядцы, пьянчуги

Прагматический смысл понятия «*бывшие люди*» складывается в тексте из следующих сем:

1) оценочные семы: как зверье; заживо гниющие — не люди, живые трупы; бомж, то есть труп; зеки, каэры, чесеоры; будто вытащенные из воды рыбины; крепчайшие люди; (не) сильный; (не) способный справиться с трудностью и сложностью; не хозяин себе и своей судьбы;

2) эмоциональные семы: горько; безнадежность («выживаешь, как можешь, до самой смерти»);

3) семы, выражающие отношение: равнодушие («Если нет у тебя жилья да паспорта, то хоть умриай!»); сочувствие («*Нет* у них сил, у этих крепчайших людей») — оксюморон, употребление обобщенно-личных конструкций (с восстановливающимся местоимением *ты*) показывает, что автор не дистанцируется от объекта оценки; обвинение-укор (*совесть усыпить, ненависть разжечь*);

4) ассоциативная сема: *конец века* (= света).

Авторская позиция О. Павлова отличается от позиции М. Горького большей определенностью и категоричностью, что связано и со спецификой публицистического стиля. Авторская позиция в публицистическом тексте в целом менее завуалирована, более явлена, эксплицитна, открыта, так как текст моносубъектен, свободен от субъектной (персонажной) полифонии художественного текста, «я» автора ближе к языковой личности.

В авторских концептах совпадает сема *ненужности* (Горький: «никому не нужные люди» [4, 179]). Но у Горького это не обвинение (нет адресата

и объекта обвинения), а констатация. Павлов же обвиняет государство и граждан в равнодушии к своим «бывшим» гражданам («только бы людьми не называть...») и шире — человечество в равнодушии друг к другу («нет правды», «конец века» (= света)). О. Павлов, хотя и сочувствует своим персонажам, но употребляет в номинации нелитературную грамматическую форму (*бывшие люди* — скорее, взгляд «здравой» части общества, а не автора), при помощи которой выражается ирония над гимном человеку (аллюзия на другой горьковский текст: «Человек! Это звучит гордо»). У Горького меньше сочувствия (см. финальную фразу: «...смыть всю грязь с этой несчастной, измученной, печальной земли»), но вместе с тем больше уважения к человеку (см. *бывшие люди*, но рядовой *бояр*, *бывшие мужики*; *человеком будешь*; *достоянство*; *цельность души*; *интеллект*; «люди разные бывают..., есть хуже... еще хуже есть»).

Сигналы авторской аллюзии находятся в сильных позициях текста. Это, во-первых, заголовок, во-вторых, начальное предложение и описательно-распространительный контекст к нему. См.:

«Людей этих называют бомжами. Живут они воровством, попрошайничая, а то и как зверье — на помойках, поедая отбросы, падаль... Все дело в том, что у этих людей нет жилья. А раз нет жилья, то нет и прописки с паспортом. Если нет у тебя жилья да паспорта, то хоть умриай. Но сразу-то не померишь. И, гонимый голодом, холодом, беспросветной угрозой побоев от милиции да и от всякого загулявшего молодца, ты и выживаешь, как можешь, до самой смерти» [8, 138].

В-третьих, это финальная позиция. Ср. авторскую позицию в finale текста:

О. Павлов

«Страдание, мучение — это ли пороки? Когда недавней зимой бездомных по приказу градоначальства, дабы очистить эти самые вокзалы от скверны и угодить москвичам, погнали за сто первый километр, то сколько вымерло их в пустынных Калуге, Александрове, Твери, никто не считал. Никто и не считал» [8, 142].

М. Горький

«Разные бывают... как бог захочет... Есть хуже меня... еще хуже есть... да!»

«В серых, строгих тучах, сплошь покрывающих небо, было что-то напряженное и неумолимое, точно они, собираясь разразиться ливнем, твердо решили смыть всю грязь с этой несчастной, измученной, печальной земли» [4, 241].

В-четвертых, это позиции повтора и синонимической замены. Повтор: «*нищие да бездомные; бесправие; голодают*» (О. Павлов). Синонимические ряды: «*бесправие — усечение в правах; заживо гниющие — не люди — живые трупы — бомж, то есть труп — зеки, каэры, чесеоры*» (О. Павлов).

В тексте О. Павлова воспроизводятся черты предтекста: частичное совпадение авторской интенции и авторского отношения («*с добродушной иронией называл их "бывшими людьми"*» (Горький)); в ядерной части совпадает контенсионал знака «*бывшие люди*» (*босяки/бомжи*); прагматика знака имеет общее в оценочной части, в модальной (отношение) – нет.

Интертекстуальное содержание концепта служит как бы эталоном сравнения и категоризации вновь познаваемых предметов и явлений, которые в результате этого сравнения идентифицируются как представители данного класса или категории или как элементы другой категории (общие семы: *утративший, бедный, голодный, испытавший превратности судьбы, жалкий, грязный, пьянство, воровство, отсутствие собственности, ненужность*), а за счет развития новых сем рождается новое содержание концепта.

В этом смысле текст приближается к дискурсу, как его понимают Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров: «Дискурсом мы называем текст, образовавшийся в процессе его саморазвития и самопорождения, когда смысл "на выходе" становится адекватным замыслу отправителя текста. Приближение к пониманию этих дополнительных смыслов комплектует будущий дискурс» [5, 299].

Итак, ключом к интерпретации концептуальной структуры текста является его название, выполняющее функцию заглавного концепта. Концепт имеет ярусное строение, проникновение в его смысл происходит поэтапно. Начальный этап – интерпретация интертекстового содержания концепта. Данная интерпретация осуществляется путем: 1) семиосеменного анализа (выявляется родовая сема, видовые, система коннотаций), 2) определения интенсионала, импликационала, экстенсионала, прагматического значения понятия «*бывшие люди*» в тексте-интерпретанте, данном тексте и интертексте (структуре-интерпретантом в сознании читателя-интерпретатора), 3) выявления актуальных позиций для концептуальных знаков, 4) выявления авторских речевых тактик и стратегий, определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста, 5) сравнения языкового содержания заглавного концепта и авторских мотивационно-прагматических установок в тексте-интерпретанте и анализируемом тексте. Дальнейшая

интерпретация содержания концепта (его «верхних» слоев) предполагает привлечение междисциплинарной, общекультурной информации и несобственно языковых методик анализа ментального пространства текста. Анализ концептуальной структуры текста в целом требует выявления иерархической организации концептов, составляющих концептуальную структуру, и взаимосвязи и взаимообусловленности ее элементов.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.
4. Горький М. Бывшие люди // Собр. соч.: В 30 т. М., 1950. Т. 3.
5. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева: Сб. науч. трудов ИРЯ РАН. М., 1996.
6. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: языки и порождение речи. М., 1991. С. 82–140.
7. Леонтьев А.А. Интертекстуальные трансформации в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Семантика языковых единиц: Докл. VI Международ. конф., МГОПУ / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 1998. Т. 2. С. 302–305.
8. Павлов О. Из нелитературной коллекции (Дневник писателя): «Казенный дом»; «Бывшие люди» // Октябрь. 1997. № 6. С. 136–143.
9. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ поэтического текста. Барнаул, 1991.
10. Раствореева Г.В. Художественный текст как объект когнитологии // Когнитивная семантика: Материалы Второй международ. школы-семинара по когнитив. лингвистике (11–14 сент. 2000 г.): В 2 ч. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова и др. Тамбов, 2000. Ч. 1. С. 184–186.
11. Степанов Ю.С. Концепт культуры «в разрезе» // Когнитивная семантика: Материалы Второй международ. школы-семинара по когнитив. лингвистике (11–14 сент. 2000 г.): В 2 ч. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова и др. Тамбов, 2000. Ч. 1.
12. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
13. Шмидт В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» / Пер. с нем. СПб., 1996.

INTERPRETATION OF THE CONCEPTUAL STRUCTURE OF A PUBLICISTIC TEXT (on the Material of O. Pavlov's "The Have-beens" (the Writer's Dairy))

T.V. Romanova

Summary

The author of the paper considers the conceptual structure of a publicistic text. The aim of the analysis is the interpretation of the intertext content of the concept expressed in the title. The conceptual structure of the text under consideration is revealed by means of a semic-sememic analysis of the lexico-semantic field with the dominant meaning of "the have-beens" and by an analysis of the motivation-pragmatic purpose of the author (communicative strategies and tactics), determining the dynamics of forming the text's conceptual structure.

